

Глава 2. Яньсин Второй

В 1049 году новой эры минул ровно цикл-цзяцзы с тех пор, как войско государства Ци утвердилось на Срединных равнинах. Изнутри страну раздирала борьба за престол, снаружи досаждали набегами чужеземные племена — судьба империи висела на волоске.

В государстве Ци счастливым числом почитали семерку. Всё, что было связано с ней, считалось благим знамением, способным даровать покровительство Небес, укрепить нерушимое единство державы и ниспослать ей долголетие.

Сегодня в императорском зале воцарилась суровая, напряженная тишина.

— Что же вы молчите? — нарушил молчание разгневанный император Ци. — Стоит ли обычному дню настать, каждого из вас не переспоришь. Отчего же сейчас, верные мои подданные, все словно воды в рот набрали?

Правитель Ци был в ярости. Дискские захватчики из Великого Ди в последнее время то и дело нарушали границы, требуя открыть заставы под предлогом мирной торговли. Однако их истинные намерения и волчий оскал коварных замыслов были очевидны каждому.

К тому же в Великом Ди как раз менялась власть. Новый каган, в отличие от своего покойного отца, явно не стремился к миру. Стоило ему взойти на престол, как на границе посыпались бесконечные беды, лишая императора покоя.

— Ваше Величество, — наконец выступил вперед Канцлер, прерывая тягостную тишину. — Старый слуга полагает, что предложение Великого Ди прислать послов для переговоров — лишь ширма для их злых помыслов. Если наше государство проявит слабость и уступит, это лишь раззадорит разбойников!

Император Ци рассмеялся от ярости и швырнул на пол ворох докладов:

— Прекрасно сказано, Канцлер!

Пустые речи, понятные даже младенцу, и ни единого дельного предложения.

Канцлер задрожал и рухнул на колени. За ним, шурша одеждами, послушно склонились остальные придворные:

— Помилуйте, Ваше Величество! Смените гнев на милость!

Каждый из них больше всего боялся, что монарший гнев падет на его голову.

— А что скажут мои сыновья? — холодно спросил император.

— По мнению вашего сына, сейчас важнее всего укрепить оборону на рубежах, — подал голос первый принц Цзи Чун.

«Лишь временная полумера, не решающая сути дела», — мысленно вздохнул император.

Второй принц Цзи Юань почтительно шагнул вперед, сложив руки в приветствии:

— Отец-император, не лучше ли прибегнуть к стратегии затягивания времени? Пока длится передышка, наше великое Ци сможет укрепить военные поселения и закупить боевых коней.

«И откуда только взять на это золото?» — раздраженно подумал правитель.

Цзи Ян негромко покашлял, с трудом сдерживая слабость:

— Позвольте высказаться вашему сыну. Нам следует отправить посольство в Великое Ди. Личная встреча с новым каганом позволит выведать его истинные намерения. Это будет шагом назад ради последующего наступления.

Среди чиновников послышался одобрительный ропот:

— Старый слуга согласен с предложением восьмого принца. Отправка посла — разумный шаг.

Император Ци благосклонно кивнул, почувствовав слабое облегчение. Пусть осуществить этот замысел непросто, но молодые принцы хотя бы думали головой, в отличие от этих никчемных старцев. Если сыновья продолжат проявлять такое рвение, у государства Ци еще останется надежда на процветание.

Будучи человеком проницательным, император прекрасно понимал: его министры вовсе не выжили из ума. Просто у каждого за душой крылся свой расчет. Никто не желал подставляться под удар первым в столь опасные времена, оттого они и придерживали мудрые мысли при себе, притворяясь глупцами.

— Раз уж вы согласны, — прищурился правитель, — кого же мы отправим послом?

В зале вновь воцарилась гробовая тишина.

Восьмой принц только собирался предложить свою кандидатуру, как император Ци вдруг нахмурился:

— А где пятый принц?

Из толпы придворцев робко выступил личный евнух отсутствующего принца. Он весь дрожал:

— Докладываю Вашему Величеству... Его Высочество вчера до глубокой ночи штудировал трактаты... и до сих пор изволит почивать...

— Мерзавец! — рявкнул император, и его чашка с чаем полетела прямо в незадачливого слугу.

Присутствующие многозначительно переглянулись. Все прекрасно понимали, какими именно «науками» допоздна занимался принц.

Пятый принц, Цзи Ин, был сыном супруги Дуань. Его мать славилась редкой красотой, благородством и кротким нравом — в свое время её считали лучшей девицей из знатных семей столицы. Увы, Цзи Ин не унаследовал от неё ни единой добродетели. Он целыми днями предавался праздности и беспутству.

Едва утихнувший гнев императора вспыхнул с новой силой. Беда была в том, что отцом супруги Дуань являлся почтенный Герцог государства Дуань — один из главных столпов государства Ци. На закате лет у него родилась единственная дочь, и старый герцог, души в ней не чая, перенес всю свою слепую любовь на внука. В своей безграничной нежности он порой осмеливался перечить самому государю.

Избалованный до крайности принц стал настоящей головной болью для императора, который то и дело оказывался связан по рукам и ногам. Подумать только: род Цзи всегда славился выдающимися мужами, похожими на драконов и фениксов, так отчего же среди них затесалась эта паршивая овца?

— Фушоу, — обратился император к верному слуге. — Сегодня ведь день возвращения Яньсина?

— Всё так, Ваше Величество. Седьмой принц должен прибыть именно сегодня, — ровным, глубоким голосом отозвался престарелый евнух.

В этот момент снаружи раздался зычный крик глашатая:

— Седьмой принц прибыл!

В зал скорым шагом вошел Цзи Яо, окутанный полами тяжелого черного плаща. Переступая высокий порог Зала Провозглашения Управления, он на мгновение почувствовал странное головокружение. В сознании вихрем пронеслись обрывки чужих, неведомых воспоминаний. Страхнув мимолетное замешательство, он невозмутимо застыл посреди зала и совершил положенный поклон:

— Приветствую Ваше Величество.

Сегодня истекал срок траура, который Цзи Яньсин держал по своей покойной матери, Императорской благородной супруге Цзяюань. Десять лет назад тяжелый недуг унес её жизнь. В день её рождения седьмой принц, Цзи Яо, испросил у государя дозволения удалиться к императорским гробницам, дабы делом доказать сыновнюю почтительность. Император не нашел причин для отказа столь благочестивому порыву, и принц в одиночестве провел у мавзолея целый месяц.

Цзи Яньсин сегодня был не в духе.

Девятицветный кубок из глазури — один из пары, подаренной матерью на день рождения незадолго до кончины — бесследно исчез. Он оберегал эту реликвию пуще всего, но сокровище словно испарилось. Потеря столь дорогой сердцу вещи терзала его душу, отчего даже в его шагах сквозила мрачная, пугающая решимость.

Некогда император Ци и благородная супруга Цзяюань любили друг друга искренне и преданно, надеясь прожить жизнь душа в душу. Однако во время её болезни между супругами вспыхнула жестокая ссора. Охваченные гордыней, они подолгу не желали делать шаг навстречу. Перед самым концом единственным желанием угасающей женщины было увидеть супруга в последний раз. Но в ту злополучную ночь император развлекался вином и остался в покоях безвестной наложницы-даин. Как бы отчаянно слуги ни стучали в двери дворца, им так никто и не отворил.

Мать Цзи Яньсина испустила последний вздох, сокрушаемая обидой и горем. После её кончины правитель долго пребывал в глубоком унынии и в порыве запоздалого раскаяния приказал забить до смерти ту самую наложницу, а покойной супруге посмертно даровал высокий титул Императорской благородной супруги Цзяюань.

Но было слишком поздно. С тех самых пор отношения между отцом и сыном дали неисправимую трещину. Седьмой принц наотрез отказывался величать его отцом и называть себя его верным сыном. Их взаимное отчуждение, сквозившее в каждом взгляде прямо в Зале Провозглашения Управления, стало секретом Полишинеля для всей империи.

— Яньсин, — тихо произнес император.

Яньсин было вторым именем Цзи Яо. Обычно мужи Срединной равнины обретали его лишь по достижении двадцати лет, совершая обряд надевания шлема. Однако в государстве Ци юноши получали такое имя в восемнадцать, а девы — при помолвке. Впрочем, имя Цзи Яо выбрал сам государь еще в день его рождения. Первоначально оно записывалось иероглифами «Яньсин» — «полет диких гусей». Дикий гусь — птица благородная, воплощающая пять изначальных добродетелей, преданная своему спутнику до самой смерти. Рождение первенца у императора и супруги Цзяюань было согрето их безграничной нежностью друг к другу и к новорожденному дитя.

Но после смерти матери Цзи Яньсин самовольно изменил написание имени на созвучное, означающее «добродетельный муж». «Взгляните на сего мужа — он гордость своей страны!» — гласили древние песни Шицзина. Он твердо решил стать тем оплотом державы, о котором мечтала его мать, и оправдать все её надежды.

Глядя на сына, император Ци каждый раз чувствовал щемящую боль. Это он остался перед ними в неоплатном долгу. Они не должны были закончить так.

У Цзи Яньсина была единоутробная сестра — принцесса Минъюэ, любимица императора Ци. Правитель словно перенес всю нерастрченную любовь к покойной супруге на дочь: он был готов достать для неё луну с неба и потакал любым её капризам.

Цзи Яньсин тоже души не чаял в младшей сестре. После кончины матери они остались самыми близкими людьми на всем белом свете. Постоянно балуемая Минъюэ мало походила на степенную принцессу, но её капризы и упрямство не переходили границ дозволенного, а дворцовые слуги искренне любили добрую и простую в общении хозяйку. В императорском дворце закон прост: к кому благоволит повелитель, к тому ластится и челядь.

Государство Ци почитало семерку священным числом. Седьмой и восьмой принцы родились с разницей всего в четверть часа. Их рождение унесло жизнь госпожи Жоу, и восьмой принц унаследовал слабую долю матери, с детства страдая от постоянных недугов.

В свое время придворные прекрасно понимали: будь император старше, седьмому принцу суждено было стать наследником сразу после рождения. И то верно: его гороскоп предвещал великую судьбу, мальчик рос не по годам смысленным и превосходил сверстников во всем. Казалось, самой судьбой ему предначертано занять трон.

В государстве Ци престол не передавался строго старшему или законному сыну. Но даже если закрыть глаза на скромное происхождение восьмого принца, его слабое здоровье и вечные хвори не позволяли возложить на него бремя власти.

Первый принц, рожденный законной императрицей, отличался излишней простотой. Государь открыто заявлял, что старший сын обделен талантами правителя. Тот, впрочем, не держал обиды и добродушно уверял, что поддержит любого брата, который взойдет на престол — поистине редкая честность и простодушие для царского рода.

Что же до пятого принца... О нем и говорить не стоило: никчемный бездельник, не способный ни к какому делу.

Однако никто не мог предвещать потрясений, случившихся позже, о которых до сих пор вспоминали со вздохом.

Придворные не решались судить, суждено ли седьмому принцу стать наследником. Его холодное отношение к отцу было у всех на виду. Кое-кто шептался, будто принц излишне упрям

и идет напролом: стань он наследником престола, все бывшие обиды разрешились бы сами собой. Но Цзи Яньсин не искал легких путей. С присущим ему высокомерием он желал доказать всему миру: даже в разладе с родителем он, и только он, достоин занять престол.

Двор раскололся на два лагеря. Сторонники седьмого принца, Цзи Яо, верили, что его восхождение предначертано самими Небесами и принесет государству Ци величие. Другие же делали ставку на второго принца, Цзи Юаня. Его матерью была благородная супруга Чэнь, чей могущественный род пользовался огромным влиянием. К тому же сам Цзи Юань славился острым умом и безупречной репутацией, а значит, имел все шансы побороться за престол.

Цзи Яньсин ни во что не ставил своих соперников. С малых лет он прилежно изучал «Четверокнижие» и «Пятиканоние», осваивал шесть благородных искусств и постигал тонкости военной стратегии не для того, чтобы растратить жизнь впустую. Он твердо знал, что однажды взойдет на трон и прославит свое имя в веках. Он поклялся вернуть матери тот почет, которого она так и не дождалась при жизни, — посмертный титул Вдовствующей императрицы-матери.

При жизни матушка часто наставляла его:

«Мужчина должен ковать свою судьбу сам. Нельзя бежать от мира. Настоящий муж умеет и склонить голову, и распрямить спину, когда придет час. Он должен уметь терпеть и ждать в тени».

Однако он всё ещё был полон юношеского пыла и затаенной обиды — годы шли, но время так и не сгладило острых углов его характера.

Опустившись на одно колено, Цзи Яньсин почтительно сложил руки:

— Ваш слуга вернулся во дворец и готов, повинувшись воле государя, принять участие в совете.

Император велел евнуху вкратце пересказать принцу суть дела.

Цзи Яньсин нахмурился. Спустя мгновение раздумий он звучно произнес:

— Ваш слуга готов возглавить войско, дабы изгнать диских варваров и вернуть покой нашей великой Ци!

Министры удивленно переглянулись. Никто — даже сам император Ци — не ожидал, что седьмой принц добровольно вызовется на передовую.

Для восемнадцатилетнего Цзи Яньсина, презиравшего лесть и угодничество, военные заслуги могли стать мощнейшей опорой в борьбе за престол. Значимость этого похода переоценить было невозможно.

Он решительно вскинул голову:

— Едва сменился каган, как варвары осмелели. Неужто они полагают, будто в нашей великой державе перевелись полководцы, способные дать им отпор? Если так, прошу Ваше Величество доверить мне стотысячное войско! Не разбив врага, клянусь не возвращаться назад! Молю государя о дозволении!

Эти дерзкие слова пробудили угасающий пыл в сердцах боевых генералов, уставших от трусливого молчания гражданских чиновников:

— Седьмой принц прав! В государстве Ци еще остались верные мечи! Ваше Величество, мы готовы выступить в поход под его началом. Не разбив врага, не вернемся назад!

— Не разбив врага, не вернемся назад! — громом отозвались воины. Оглушительный клич потряс своды зала.

В груди императора Ци тоже проснулась былая воинская отвага. Он раскатисто расхохотался:

— Ха-ха-ха! Достойный сын своего отца! Слушайте мой указ! Назначить седьмого принца Великим главнокомандующим доблестной кавалерии! Генерала Чжан Цзяна — его заместителем, а генерала Пан Дэ — командиром авангарда! Через три дня войску выступить на северные рубежи, дабы защитить покой нашей империи!

Зал взорвался громогласным славословием:

— Да здравствует император! Мудрость государя безгранична!

На первый взгляд, смена власти в Великом Ди и шаткое положение нового кагана сулили легкую победу. Однако Цзи Яньсин трезво оценивал обстановку. Момент для похода был далеко не идеальным. Новый правитель варваров действовал со стремительностью урагана, и его повадки еще оставались загадкой. Тот факт, что кочевники столь дерзко атаковали границы, говорил о тщательной подготовке.

Война на севере таила в себе смертельную опасность, и легкой победы ждать не приходилось. Но у принца не оставалось выбора.

Его враги в тени уже начали действовать, и за ними, скорее всего, стоял второй принц Цзи Юань. Но какое-то шестое чувство подсказывало Яньсину: заговорщиков гораздо больше. Неведомая сила зорко следила за каждым его шагом, выжидая краха империи Ци.

Иначе с чего бы прежнему кагану, полному сил и здоровья, скоропостижно скончаться? В этой внезапной смерти крылась зловещая тайна. Разгадать её за день-другой было невозможно, а значит, следовало проявлять предельную осторожность.

Дворец Пурпурного Солнца

В сумерках, когда угасающий день уступил место вечерней прохладе, Цзи Яньсин стоял на галерее, погруженный в невеселые думы.

— Дэбао, — тихо позвал он слугу. — Прикажи нашим людям приглядывать за поместьем Цзи Юаня. О любых подозрительных гостях докладывай мне немедленно.

Достигнув восемнадцати лет, принцы обзавелись собственными усадьбами за пределами дворца. Лишь Цзи Яньсин неизменно возвращался под своды Дворца Пурпурного Солнца — в те самые покои, где некогда жил с матерью, дабы в тишине и уединении предаваться воспоминаниям.

— Слушаюсь, господин, — склонился Дэбао. — К вам прибыл молодой генерал Фу Ян.

— Проси. И вели подать чаю.

— Какой к черту чай! — раздался громкий, возмущенный голос.

В комнату, шумно шурша полами боевого облачения, ворвался Фу Ян. Не церемонясь, он закинул ногу на резной табурет и сердито уставился на друга:

— Цзи Яо! Я для тебя вообще кто? Мы братья или нет? Почему ты скрыл от меня, что собираешься на войну?

Цзи Яньсин сохранял абсолютное спокойствие. Он даже бровью не повел:

— Какая разница, если теперь тебе всё известно.

— Ты хоть понимаешь, насколько опасен этот поход?!

Принц сделал неторопливый глоток и бережно опустил чашку на столик. Лицо его оставалось бесстрастным:

— Понимаю.

— Цзи Яо! Вся эта придворная свора прекрасно видит бездну, потому никто и не вызвался вести войска! Но ты... Ты ведь умнее их всех, зачем сам прыгаешь в петлю?!

Договорить он не успел. В воздухе свистнуло, и короткий дротик с глухим стуком вонзился в деревянную колонну у входа.

Фу Ян метнулся вперед, выдернул оружие и развернул примотанную к древку записку. Он мгновенно побледнел:

— Здесь написано... «В десяти ли к югу от города принцесса Минъюэ гостит у нас. Ждем Седьмого принца в одиночестве».

— Десять ли к югу... — пробормотал Фу Ян, холодея. — Но там же лишь заброшенные могилы у самого обрыва!

Цзи Яньсин резко поднялся:

— Дэбао! Срочно разузнай, во дворце ли принцесса! Живо!

Время тянулось невыносимо медленно. Наконец запыхавшийся слуга ворвался в покои:

— Господин... Её Высочество покинула дворец еще утром и до сих пор не возвращалась!

Принц сорвал со стены верный клинок и бросился к черному ходу, на ходу обменявшись коротким взглядом с преданным слугой.

Короткий свист — и Цзи Яньсин взлетел в седло своего скакуна, направляя его к южным воротам.

— Стой! — крикнул ему вслед Фу Ян, вскакивая на коня. — Я с тобой!

В мыслях обоих бился один и тот же немой крик: только бы с Минъюэ ничего не случилось. Иначе они оба сойдут с ума.

Десять ли к югу от столицы

К их приезду ночь уже полностью вступила в свои права. Ветер зловеще шуршал листвою деревьев, в корнях которых то и дело белели старые кости, наводя ужас на любого случайного путника.

Из густой тени вековых стволов бесшумно выступила фигура в тигриной маске. Голос незнакомца, хриплый и приглушенный, не позволял определить ни возраст, ни пол, хотя

очертания тела выдавали в нем мужчину.

— Седьмой принц оказался на редкость непослушным, — глухо рассмеялся незнакомец. — Мы ведь договаривались, что вы прибудете один. Какой приятный сюрприз — явились не один, а с довеском?

Фу Ян сделал шаг вперед, наполовину обнажив клинок:

— Хватит болтать! Кто ты такой? Где принцесса?!

— Минъюэ? О, она давно ушла. Кто в здравом уме станет задерживаться в столь гиблом месте до глубокой ночи?

Цзи Яньсин вздрогнул. Они попались в ловушку.

— Впрочем, раз уж вы проделали такой путь в столь поздний час, оставайтесь здесь навсегда!
— холодно бросил человек в маске. — Взять их!

Из зарослей безмолвными тенями хлынули убийцы в черных одеждах, сжимая кольцо окружения. Цзи Яньсин и Фу Ян были искусными бойцами, но численный перевес противника оказался слишком велик. Шаг за шагом нападающие оттесняли их к самому краю бездонного обрыва. Сдерживать натиск становилось всё труднее.

— Задержи дыхание! — крикнул Фу Ян, заметив, как один из нападающих вскинул руку.

Но было поздно. Белый ядовитый порошок облаком накрыл защищавшихся. Сделав невольный вдох, Цзи Яньсин мгновенно ощутил, как всё тело сковывает слабость. Воспользовавшись его замешательством, главарь банды точным ударом выбил меч из его немеющих пальцев и мощным ударом ладони толкнул принца в грудь.

Позади зияла бездна. Падение с такой высоты на каменистое дно ущелья не оставляло ни единого шанса выжить.

Человек в маске небрежно отряхнул полы одежд, глядя в темноту провала.

«Цзи Яо, не обессудь. Своими сегодняшними речами на совете ты сам подписал себе смертный приговор. Я просто обязан был от тебя избавиться».

Тело Цзи Яньсина летело вниз, лишённое сил, а сознание медленно угасало. Всё это было ошибкой. Где-то крылся фатальный просчет.

Сквозь оглушительный рев ветра, хлеставшего по лицу, он отчаянно цеплялся за уходящие крохи рассудка. Его жизнь не могла оборваться здесь. Не так. Не в этой безвестной яме.

Он не сдастся смерти.

Потому что его мятежная душа не знала покорности.

Потому что его звали Цзи Яо.

<http://bllate.org/book/20677/2116554>